

05.08.25

ПОЧЕМУ «ИСТОРИЧЕСКИЙ» ВИЗИТ ПАШИНЯНА В ТУРЦИЮ НЕ ДАЛ ЗНАЧИМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ?



20 июня премьер-министр Армении Никол Пашинян посетил Турцию. Между двумя странами нет дипотношений, а сухопутная граница по-прежнему закрыта. Уже этих двух обстоятельств было достаточно, чтобы обеспечить визиту повышенное внимание. Но его еще и подогревали, особенно в Ереване. За два дня до события спикер Национального собрания Армении Ален Симонян назвал его историческим, дескать, руководитель Армении впервые осуществит визит на подобном уровне. И действительно, в состав армянской делегации, помимо главы кабмина, вошли еще 12 человек, среди которых были глава МИД и один из ближайших соратников Пашиняна еще со времен «бархатной революции» Арарат Мирзоян, а также спецпредставитель по вопросам армяно-турецкой нормализации Рубен Рубинян.

Впрочем, не только власти подогревали интерес к вояжу Пашиняна в Стамбул. Известное, в том числе и благодаря публикации скандальных утечек, издание «Грапарак» со ссылкой на некие экспертные круги сообщило: премьер может подписать соглашение, запрещающее военное присутствие третьей стороны на территории Армении, иначе говоря, о выводе 102-й российской базы из Гюмри. Оппозиционные каналы охотно цитировали это сообщение, хотя надежность источника вызывала вопросы. Как бы то ни было, публикация «Грапарака» хорошо передает атмосферу в армянском обществе. От нормализации отношений с Турцией ждут очень разных результатов. И если одни связывают с ней надежды на стабилизацию Южного Кавказа и обретение Арменией статуса перекрестка мира, то другие уверены, что дело идет к фактической утрате суверенитета и превращению Турции в регионального полицейского, благоволящего Баку и Тбилиси, но строгого, если не сказать больше, по отношению к Еревану.

Визит состоялся. Премьер-министр Армении встретился с президентом Турции

Реджепом Тайипом Эрдоганом, а также с представителями местной армянской общины. Но политический и информационный выхлоп от этой истории получился весьма скромный. Управление коммуникаций президентского офиса в «телеграфном» стиле сообщило, что глава Турецкой Республики удостоил ереванского гостя приемом; встреча, в которой также участвовал глава МИД Хакан Фидан, была посвящена «контактам Турции и Армении, диалогу о достижении мира на Южном Кавказе и текущим событиям». Также подчеркивалось, что Эрдоган сделал акцент на «значимости консенсуса в продолжающихся переговорах между Азербайджаном и Арменией». Ни единого нового пункта в повестке! И это исторический визит? Все те же предусловия, в переводе с дипломатического языка на обычный значащие: сначала договоренности между Баку и Ереваном, а затем уже нормализация отношений с Анкарой.

Но следует ли из этого, что нормализация – довольно бессмысленный процесс, в котором ожидания обратно пропорциональны достигнутым результатам? В самом деле, с того момента как Анкара и Ереван возобновили диалог (первая встреча между спецпредставителями двух стран прошла в Москве в январе 2022-го), минуло уже 3,5 года. Два спецпредставителя Сердар Кылыч и Рубен Рубинян провели пять встреч. К слову, пути Никола Пашиняна и Реджепа Эрдогана не раз пересекались и задолго до нынешнего визита. В октябре 2022-го они встретились на полях Первого саммита Европейского политического сообщества. Затем в 2023 году Пашинян принял участие в инаугурации переизбранного Эрдогана. В сентябре 2024-го два лидера коротко пообщались в Нью-Йорке на полях Генассамблеи ООН. Результаты этого диалога очень скромные. В активе, пожалуй, только открытие прямых авиагрузоперевозок и договоренность о пересечении сухопутной госграницы для граждан третьих стран, так и не реализованная на практике. И тем не менее недооценивать значение армяно-турецкого диалога, а также его возможные последствия не только для этих стран, их соседей, Кавказского региона и всего постсоветского пространства, не стоит.

Три издания нормализации: меняющиеся приоритеты сторон

Вернемся к оценкам Алена Симоняна, одного из ближайших соратников Пашиняна, поспешившего назвать визит историческим. Спикер парламента не академический историк и не эксперт-политолог. Его задача – продвигать актуальную повестку, не размываясь на объяснение деталей и нюансов. Но для всех остальных понимание ритмов и траекторий армяно-турецкого примирения крайне важно.

Начать стоит с того, что попытки наладить отношения с Турцией предпринимались и до Пашиняна. Впервые об этом заговорили еще на закате СССР. В Закавказье формировался новый статус-кво. Армения, обретая независимость, теряла при этом советский «зонтик безопасности», оставаясь лицом к лицу с Турцией и имея за плечами тяжелый груз национальных травм. Если для российского нарратива имперский распад – это следствие революционных потрясений и гражданской войны, то для армянского – опыт первой республики, успевшей за 2,5 года своего существования пережить две войны с Турцией. И ценой спасения от полного разгрома и уничтожения национальной государственности стала советизация. Которую, чего греха таить, многие интеллектуалы даже в сталинские времена считали меньшим злом по сравнению с «турецким выбором». Но, понятное дело, ценой освобождения от наследия АрмССР была перспектива самостоятельно выстраивать отношения с таким соседом, как Турция.



Что же касается Анкары, то для нее нормализация с Арменией в начале 1990-х диктовалась, во-первых, необходимостью улучшения отношений с США. На тот момент Турция еще не подвергла основательной ревизии кемалистские принципы внешней политики, предполагавшие отказ от имперского величия в пользу тесной интеграции с Америкой и западным миром в целом. Во-вторых, ситуация, возникшая в Закавказье после распада СССР, подразумевала необходимость наново выстраивать отношения с Азербайджаном, Арменией и Грузией, желательно на неконфронтационной основе.

Первый президент Армении Левон Тер-Петросян в июне 1992-го посетил Стамбул для подписания Договора о черноморском экономическом сотрудничестве и провел переговоры с тогдашним премьером Турции Сулейманом Демирелем. В интервью турецкому изданию Cumhuriyet Тер-Петросян заявил, что хотел бы видеть соседнюю страну дружественным и партнерским государством. Тогда именно через Турцию в Армению, уже блокированную со стороны Азербайджана, было поставлено 100 тыс. т пшеницы, реализована подача электроэнергии.

Тем не менее первая попытка нормализации провалилась. Обычно это объясняют военной эскалацией в Нагорном Карабахе. Но здесь стоит различать повод и причину. В начале 1990-х Турция начала свой путь от младшего партнера США на южном фланге НАТО к средней державе, претендующей на то, чтобы проводить самостоятельную политику в разных частях Евразии. Провозвестником этого курса стал харизматичный президент Тургут Озал, посетивший Азербайджан и Боснию и заявивший об ответственности Анкары за регионы турецкого «исторического присутствия». В апреле 1993-го Турция закрыла чуть более 300 км сухопутной границы с Арменией.

Однако армяно-турецкие контакты после этого не прекратились. В том же 1993 году похороны Тургута Озала посетил Тер-Петросян, а его преемник Роберт Кочарян в ноябре 1999-го участвовал в Стамбульском саммите ОБСЕ. Это дорого ему обошлось в информационном плане. Политика, последовательно продвигавшего образ армянского турбопатриота и проводника идеи миацума (единство Армении и Карабаха), оппоненты обвиняли в подготовке невыгодного Еревану соглашения с Азербайджаном.

Вторая попытка нормализации была предпринята в 2008-м. 9 июля того года в The Wall Street Journal Europe вышла статья третьего президента Армении Сержа Саргсяна, озаглавленная «Мы готовы разговаривать с Турцией». К этому времени Ереван наслаждался выгодным статус-кво в Карабахе, затягивая переговоры с Баку и пользуясь расположением главного стратегического союзника – Москвы. Что же касается Анкары, то она уже многое сделала для диверсификации собственной внешней политики, рассчитывая на нормализацию, как на ресурс для продвижения своих интересов на Кавказе не только в статусе старшего брата Азербайджана. Но главная идея второй нормализации – отказ от увязывания армяно-турецких отношений и карабахского конфликта – не смогла пройти проверку практикой. Во-первых, внутри самой Турции азербайджанский фактор оказался слишком силен, чтобы его игнорировать.

Во-вторых, отношения Баку и Анкары в 2008–2009 годах вошли в кризисную фазу. Выбирая между сохранением стратегической связки со старым союзником и



гипотетическими выгодами от примирения со старым противником, Турция ожидаемо выбрала Азербайджан. Все это не способствовало армяно-турецкому сближению. Ереван переоценил собственные возможности и недооценил фактор стратегической близости Турции и Азербайджана, а также взаимный интерес Москвы и Баку. Ведь во многом наращивание российско-азербайджанской кооперации, включая и военно-техническую сферу, произошло в 2010–2011 годах.

После того как вторая нормализация достигла своего пика в Цюрихе, где представители Турции и Армении подписали протоколы о восстановлении дипотношений и открытии границ, начался долгий период стагнации. Протоколы так и не были ратифицированы. В марте 2018-го армянский президент Серж Саргсян даже подписал указ об их денонсации.

Третий подход к снаряду случился уже совсем в другой реальности и при других геополитических вводных.

Нормализация как новая нормальность?

Между второй и третьей попыткой на Кавказе рухнул военно-политический статус-кво, державшийся более четверти века. Непризнанная Нагорно-Карабахская Республика прекратила свое существование. Азербайджан восстановил территориальную целостность при беспрецедентной военно-политической, дипломатической и информационной поддержке Турции. Влияние Анкары в регионе заметно выросло. Стратегическое взаимодействие Азербайджана и Турции, особенно после подписания Шушинской декларации 2021 года, вышло на новый уровень. Для Грузии Турция – главный торговый партнер и крупнейший инвестор. Добавим к этому множество трехсторонних (Анкара – Баку – Тбилиси) инфраструктурных проектов и форматов в области безопасности.

23 апреля 2024-го Реджеп Тайип Эрдоган, отвечая на вопросы журналистов, четко и недвусмысленно обозначил свое видение ситуации в Закавказье: «В регионе сейчас устанавливается новый порядок. Пора отбросить пустые воспоминания. Всегда лучше действовать, исходя из текущей ситуации, а не ориентироваться на вымышленные истории, не имеющие никакой связи с реальностью». Заметим, сказано это было накануне 24 апреля – Дня памяти геноцида армян в Османской империи. Сегодня одним из предусловий нормализации отношений с Ереваном Анкара считает отказ от признания трагических событий первой четверти XX века геноцидом на международном уровне. Естественно, это упаковывается в политкорректную форму выбора в пользу достойного будущего и преодоления прошлого.

Таким образом, третье издание нормализации – это уже не диалог, как раньше. Это попытки одного игрока, Турции, оформить новый, выгодный для себя региональный порядок, повысив среди прочего свою геополитическую значимость и для США с НАТО, и для ЕС, и для Ирана, и для Ближнего Востока, где Анкара также ведет наступление (переформатирование асадовской Сирии – яркий тому пример). В чем же интерес Армении при таком крайне невыгодном для нее раскладе? Оговоримся сразу, сегодня этот интерес формулирует Никол Пашинян и его команда. Это формулирование происходит в тяжелых условиях под знаком утраты Карабаха. Как только «карабахский консенсус» в Армении рухнул, а сам Карабах фактически открыто стал характеризоваться властями, как бремя и препятствие для реализации



армянского национально-государственного проекта, Пашинян сотоварищи стали искать для себя новую легитимность. И для новой Армении, которую они назвали реальной. В чем же заключается реализм по-пашиняновски? В отказе от территориальных притязаний и утверждении геополитического минимализма (Армения в границах исключительно АрмССР), элиминирование миацума, закрепление эксклюзивной роли армянского государства без всякого вмешательства диаспоры. Мир ценой отказа от Карабаха – вот новая нормальность для Армении Пашиняна. И с этой идеей сегодняшнее правительство идет на диалог с Анкарой.

Понимают ли нынешние армянские власти, что обеспечить мир, отказавшись от территорий, у них пока не получилось? Новые требования в виде внесения поправок в конституцию, аннулирования Декларации о независимости от 23 августа 1990 года, обсуждения «Западного Азербайджана» (так в Баку и Анкаре называют территории бывшей АрмССР) – все это отнюдь не отвлеченные академические беседы. И все это в условиях, когда фокус внимания традиционных союзников Еревана смещается на другие направления (Москвы – на Украину, Тегерана – на Израиль и Ближний Восток в целом). Запад же не хочет, да и не может гарантировать безопасность Армении. Вашингтон и Париж скорее пытаются извлечь выгоду из трудностей России и Ирана, дискредитируя их в глазах армянского политикума и социума, не предлагая ничего реально работающего взамен. Риторический вопрос: стоит ли в условиях растущей неопределенности в регионе, но определенно ясной наступательности Турции и Азербайджана разрушать отношения с Россией? Впрочем, это уже совсем другая история.

Впервые опубликовано деловым журналом «Профиль»: Сергей Маркедонов. **«Почему «исторический» визит Пашиняна в Турцию не дал значимых результатов?»**

Источник: **Почему «исторический» визит Пашиняна в Турцию не дал значимых результатов?**



ОБ АВТОРЕ



Сергей Маркедонов

Постсоветское пространство, Южный Кавказ

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Постсоветское пространство, Южный Кавказ, Безопасность

Область экспертизы: Конфликты на постсоветском пространстве, европейская безопасность

Профессиональный опыт: Ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России. Эксперт Российского совета по международным делам, эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай». Колумнист изданий «Россия сегодня», «РБК» и др. Был приглашенный исследователем Института гуманитарных исследований (IWM) в Вене, Фуданьском университете в Шанхае, Немецком обществе внешней политике (DGAP) в Берлине, Центра евразийских исследований в Университете Мумбаи, Центра стратегических и международных исследований программы «Россия и Евразия» в Вашингтоне.

